

Акад. С. Струмилин

223-043

О ЦЕНЕ «ДАРОВЫХ БЛАГ» ПРИРОДЫ

В связи с развитием хозрасчетных взаимоотношений отдельных предприятий в народнохозяйственном обороте всех ценностей и требованиями социалистического соревнования трудящихся у нас в последнее время все чаще возникает потребность оценки в издержках производства у соревнующихся коллективов таких природных благ, как земля, вода, ископаемые богатства недр и др. Природа далеко не равномерно обеспечивает ими разные районы, и это сильно искажает результаты соревнования даже по таким важнейшим показателям, как производительность труда и рентабельность деятельности различных коллективов и предприятий. Вместе с тем снижается и эффективность тех фондов поощрения, какие, направляясь не туда, где они всего нужнее, расточаются безрезультатно.

Рекомендуется и эти «дары» природы в достаточной их оценке включать в себестоимость производства хозрасчетных предприятий в качестве рентных платежей государству. Допускается, что изъятие затем этой ренты в бюджет наряду с платой за фонды, столь же неравномерно включаемой в себестоимость, полностью выравнивает условия соревнования трудящихся всех предприятий, а остаточная прибыль этих предприятий станет решающим критерием их достижений. Не остается неясным критерий «достаточной» для этого оценки природных благ. Ведь если их цены строить вне требований закона стоимости, то есть сверх стоимости, то и сумма цен всего общественного продукта превысит его стоимость как раз на сумму всей такой «ренты» за счет «даровых благ» природы. Однако едва ли кому-нибудь взбредет на ум устанавливать цены не освоенных еще никем земель в пустынях, океанских вод или атмосферного воздуха. Хозяйственный интерес для нас представляют только уже освоенные и осваиваемые блага природы. Их никак нельзя назвать даровыми. Все они приобретают цену своего освоения. А эти цены вполне определяются общественной стоимостью затрат по освоению таких благ. В каждом частном случае эти затраты сильно колеблются, в общих же итогах своего воспроизводства — подчиняются закону стоимости, и нет никакой необходимости прибегать к каким-нибудь иным, искусственным методам и приемам такой оценки. Это справедливо в отношении всех осваиваемых благ природы. Но особенно уместно и своевременно об этом напомнить в связи с оценкой земельных богатств.

После Октябрьской революции земля в результате национализации выпала из товарооборота страны. Ее нельзя уже ни продать, ни купить на рынке. Выпали из учета и цены на землю. Ее стали рассматривать как даровое благо природы, подобное воде или воздуху, которыми мы пользуемся без всякого счета.

Однако это заведомо ошибочная концепция, чреватая бесхозяйственным расточительством важнейших первоисточников народного богатства — расточительством общественных ресурсов прошлого и живого труда. Назвать землю дефицитным или особо редкостным благом СССР, где в сельскохозяйственное пользование вовлечено пока

е свыше 10% пригодной для этого площади, едва ли возможно. Но тем не менее на освоение этой условно-пригодной земли в сельском хозяйстве всегда и безусловно требуются очень значительные затраты труда. Некоторые советские экономисты, например, С. Д. Черемушкин, и ныне еще утверждают, что «земля, как дар природы, не имеет стоимости». Но не следует забывать, какой ценой достается этот дар природы земледелцу в процессе его освоения.

Напомним, что и у славян, как и у германцев в Западной Европе, освоение началось с подсечно-огневого земледелия. Основной ландшафт тогдашней Германии, по свидетельству Тацита, в I в. нашей эры, — «то страшный лес или отвратительное болото!». Не лучше выглядел, конечно, первоначальный ландшафт и у наших предков — древлян, древичей и прочих древоделов¹. Еще до первого посева им нужно было вырубить этот «страшный» лес и подсушить огнем «отвратительные болота», повторяя эти трудоемкие расчистки через каждые три-четыре года на новом месте, так как старые расчистки, покрываясь за это время второй порослью, обращались в многолетний перелог. На каждую вырубку леса (без раскорчевки) требовалось при этом из расчета на одну десятину 45 дней труда, на пожогу поваленного леса — еще 45 дней, а вместе с «опрытыванием» и рыхлением — не менее 109 дней, или до 100 дней на 1 га (не считая посева и уборки хлебов). Таким образом, на освоение земли каждое поколение землеробов только за 30—40 лет расходовало по 1 тыс. человеко-дней труда на 1 га. И признать это природное благо даровым в подобных условиях можно лишь в порядке глубокого недоразумения.

Правда, с переходом от подсечно-переложной системы земледелия господствующей в условиях феодализма системе пашенного, парового земледелия нормы затрат на освоение новых площадей пашни сильно сократились, так как пашня уже не обращалась в перелог, зарастающий лесом. Но зато на новых расчистках требовалось не только подсечь расчистанный лес, но и выкорчевать все пни для распашки целины. И, конечно, затраты на освоение такой новой пашни расценивались и вся старая пашня равного качества, освоенная в предшествующие века и годы.

В наше время мы располагаем вполне достоверными массовыми данными советской статистики о стоимости освоения новой пашни на целинных и залежных землях. В 1954—1960 гг., за 7 лет, в основных районах освоения новых земель было поднято за государственный счет 8 млн. га целины и залежей, причем вложения на освоение этих земель дополнительно, сверх обычных капитальных вложений, исчисляются в 4,4 млрд. руб. (в новом масштабе цен), то есть по 105 руб. на 1 га. Вместе с тем основные производственные фонды на освоенных землях за те же годы возросли на 3,5 млрд. руб. И если все вложения в строения и оборудование на целине уже полностью учтены в этих производственных фондах, то в цену освоения самой земли — 105 руб. — можно включить в основном лишь оплату труда по ее освоению. Но оплата труда в 1958 г. повысилась в совхозах до 53 руб. в месяц, и даже минимум оплаты труда не падал ниже 45 руб. в месяц, или 1 руб. 88 коп. в день. Это было бы, на освоение 1 га пашни в 1954—1960 гг. требовалось в сельском хозяйстве не менее 56 рабочих дней ($105 \text{ руб.} : 1,88 = 56$).

Однако это еще не полная стоимость освоения земли, ибо сверх оплаты труда в нее следует включить и действующую норму накоплений. В том случае эта норма в 1958 г. по всему народному хозяйству составила не менее 57%, так как фонды заработной платы всех рабочих и служащих за вычетом налогов и оплаты труда колхозников составляли в том году не свыше 60,2 млрд. руб., а прирост всех основных и оборотных фондов — не менее 34,6 млрд. руб. Следовательно, фактическая нор-

¹ Не лучше он выглядит и ныне в просторах сибирской тайги и лесотундры.

ма накопления $m : v = 34,6 : 60,2 = 57,4\%$. Таким образом, полная стоимость освоения земли в СССР к 1958 г. с учетом нормы накопления составляла в среднем до 165 руб. за 1 га, или цену до 88 рабочих дней в деревне (165 : 1 руб. 88 коп. = 88). Заметим, что текущие затраты на обработку 1 га пашни освоенной уже земли не достигали и 11 дней живого и прошлого труда, то есть были раз в 8 ниже стоимости освоения земли.

С повышением производительности труда в сельском хозяйстве стоимость освоения новых земельных угодий должна бы, конечно, понижаться, но повышение оплаты труда и нормы накоплений обычно опережает рост производительности труда, и цена земли в падающей валюте быстро возрастает. Так, в дореволюционной России цены на землю XVI в. изменялись таким образом. В 1511—1526 гг. «худые земли» продавались не дороже 70—75 коп. за десятину пашни. В 1532 г. «старички» купили 300 десятин пашни по 1 руб. 33 коп., но земля была «добрая». А в общем при колебаниях от 67 коп. до 1 руб. 33 коп. средние цены XVI в. не превышали 1 руб. за десятину пашни². В XVII в., по Уложению 1649 г., «распашная земля» расценивалась уже по 3 руб., а сенокосы — по 2 руб. за десятину. После же крестьянской реформы 1861 г. цены на землю резко возросли, изменяясь не только в связи с качеством земли, но и способами ее приобретения, скажем, по рыночной расценке за наличный расчет или через Крестьянский банк с рассрочкой платежей и процентами. Напомним, в частности, что земля, доставшаяся крестьянам при их освобождении, расценивалась по рыночным ценам в среднем до 16 руб. 80 коп. за десятину, а уплатить за нее их заставили дворяне по выкупной операции с процентами не менее 27 руб. за десятину. В дальнейшем же наблюдался такой рост цен на землю в пределах Европейской России (в руб.)³.

Годы	Цены	
	за 1 га	за 1 десятину
1860	15,1	16,8
1870	18,3	20,3
1880	20,7	23,0
1890	37,2	41,3
1900	63,1	70,0
1910	101,8	113,0

Эти данные показывают рост цен за 50 лет капиталистического развития в 6—7 раз, что значительно превосходит темпы роста цен в феодальную эпоху, хотя и в тот период цены на землю повышались существенно — в 3 раза лишь за одно столетие. Однако такие высокие темпы роста цен на землю объясняются не столько ростом ее плодородия и другими причинами, сколько в основном обесценением денег. В этом легко всего удостовериться, сопоставив цены на землю с оплатой труда в условиях сельского хозяйства.

К сожалению, за времена феодализма у нас немного вполне серьезных и достоверных данных об оплате рабочей силы, и тем ценнее из них, которыми мы можем с уверенностью воспользоваться. Так, XVI в. мы располагаем таким свидетельством иноземца Герберштейна, побывавшего в Москве (до 1526 г.), по которому рядовой поденщик получал 1,5 московской деньги, а ремесленник — 2 деньги за день. Значит, чтобы купить десятину пашни ценой в 1 рубль, или 200 денег,

² См. С. Г. Струмилин, Очерки экономической истории России и СССР, издательство «Наука», 1966 г., стр. 129.

³ «Материалы по статистике движения землевладения в России», вып. XXIV, Петербург, 1915 г., стр. IX.

кой рядовой поденщик должен был бы отработать за нее 133 рабочих дня. В XVII в. цена земли поднимается до 3 руб. за десятину пашни, но и оплата труда поденщика — «ярыги» — уже с первой половины XVII в. поднимается до 3 коп. «поденного корму»⁴. И, стало быть, реально по нормам оплаты труда цены земли не утроились, а даже несколько снизились — до 100 рабочих дней рядового поденщика.

В связи с этим можно напомнить, что у боярина Б. И. Морозова еще в 1652 г. чистили лес от зари до зари «наемные деловые людишки» — 139 человек; за 3,5 дня они вычистили всего 11 десятин и только на валку леса затратили по 44 рабочих дня на десятину⁵. Если к этим затратам прибавить не меньшие на пожогу леса или раскорчевку до 1500 пней на десятину рощистей, то и получим, по-видимому, не менее 100 рабочих дней на десятину расчищенной пашни. Таким образом, денежная цена земли в 3 руб. в XVII в. едва ли существенно расходилась с полной трудовой ее стоимостью.

К моменту крепостной реформы цены на землю с 1649 г. возросли еще более чем в пять раз, но и нормы оплаты труда от них не отставали. В частности, к 1863 г. поденная плата землекопам на Урале достигала 23 коп., а заводским чернорабочим платили по 20 коп. в день. Но с 1860 г. эти нормы возросли уже в среднем за 2 года на 14%⁶. Значит, в 1860 г. оплата рядового поденщика-чернорабочего не превышала 17,5 коп. в день ($20 : 1,14 = 17,5$). На оплату земли по рыночной цене такому поденщику потребовалось бы не больше 96 рабочих дней за десятину ($16,8 : 17,5 = 0,96$). Говоря иначе, к концу эпохи феодализма цены на землю у нас даже падали по отношению к поденной оплате батрацкого труда. Это вполне объяснимо ростом производительности труда при освоении и обработке земли.

В первые десятилетия после крестьянской реформы в оплате освобожденного труда можно отметить новый скачок вверх. С 1860 по 1890 г. поденная плата батрака поднялась за 30 лет в денежной оценке с 17,5 до 51,3 коп., то есть почти в 3 раза, а реально с учетом роста цен (в валюте 1913 г.) — с 35 до 76 коп., более чем вдвое — на 117%, опережая рост цен на землю. Выражая цену земли в поденщинах такого батрака, нам потребовалось бы не свыше 80 рабочих дней на десятину.

Однако в дальнейшем, к концу века, повышение цены земли в условиях растущего малоземелья в деревне начинает опережать рост оплаты батрацкого труда. Этому содействовало и то, что уже в процессе земной реформы малоземелье крестьян возросло еще на десятки процентов за счет присвоенных дворянами из их наделов отрезков земли, а также то, что в лице раскрепощенной крестьянской верхушки на рынке появился новый, еще не насыщенный спрос на дворянские земли. Вместе с тем пережитки крепостничества в деревне — в форме отработки на господской пашне осенних задатков на уплату налогов весной и других форм кабального найма — в условиях возрастающей с ростом малоземелья скрытой массовой безработицы в крестьянском хозяйстве заметно сдерживали нормальный рост оплаты батрацкого труда. С 1890 г. мы имеем такую динамику этих показателей в Европейской России (без Польши; см. табл. на стр. 64).

Как видим, при всех колебаниях спроса и предложения с XVI по XVIII в. цены на землю, возросшие номинально более чем в 120 раз, ре-

⁴ См. С. Г. Струмилин, Очерки экономической истории России и СССР, стр. 36—37, 48.

⁵ См. «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. I. Ленинград, 1933 г., стр. 76—77.

⁶ См. С. Г. Струмилин, Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. Издательство «Наука», 1967 г., стр. 350—351.

Годы	Цена на землю за десятины		Полная плата (в коп.)
	в руб.	в днях	
1890	41,3	80,5	53,2
1900	70,0	108,2	64,1
1910	113,0	141,1	83,4
1890—1910	81,4	125,0	66,9
1913*	122	120,0	101,3

ально в трудовой оценке (в днях ярового поденника-батрака) даже несколько снизилась — со 133 до 120 поденши на десятину, в пределах вполне допустимого роста производительности ручного труда и точности наших расчетов, то есть без всякого отрыва от своей стоимости основы.

С тех пор прошло еще полвека. Земля у нас уже не продается. И по стоимости ее освоения на целинных землях мы ее выше оцениваем в 165 руб., или 88 рабочих дней за 1 га, по минимальным нормам оплаты труда в 1958 г. К началу 1967 г., по данным ЦСУ, производительность труда в сельском хозяйстве повысилась за 8 лет на 46%, а оплата труда — на 49%. Повысились и нормы накопления в стране — с 57 руб. мерно до 61% к фондам олаченногo труда. С учетом этих моментов и вышестя и стоимость освоения земли в ценах 1966 г. до 177 руб. за 1 га. По сравнению с нормами 1913 г. мы получаем такие оценки:

Годы	Цена земли за 1 га		Полная плата (в коп.)
	в руб.	в днях	
1913	111,5	110	101,3
1958	165	88	187,5
1966	177	63	280,0

Здесь, в условиях социализма, за последние годы наблюдается особенно высокие темпы роста заработной платы в деревне, которая долго отставала от средних темпов роста по всей стране. Но зато на растут механизация, энергооборуженность и производительность труда. На расчистке леса используются и электромолы и корчевальные машины, убирающие до 30 корней в час и расходующие на лесной расчистке не свыше 45 часов. Вот почему на освоение целинам требуется все меньше затрат, и реальная стоимость земли нам требуется все меньше затрат, и реальная стоимость земли и трудовой ее оценке столь заметно падает у нас за последние десятилетия.

Конечно, такая средняя оценка земли по всей стране, без сравнительных ее качеств на каждом отдельном участке, в каждом хозяйстве или колхозе еще недостаточна для развернутого хозяйственного расчета на всех таких участках. Но качество земли поддается сравнению с сравнительным плодородием при равной агротехнике обработки и необходимыми при этом затратами живого и прошлого труда на почву обрабатываемой площади. С повышением плодородия это

* См. С. Г. Струмилин, Избранные произведения в пяти томах. Т. 3 — «Госэкономиздат», 1964 г., стр. 277.
 По всей бывшей империи цены на землю были выше, достигая, по оценкам Крестьянского банка, в 1910 г. 140 и в 1913 г. 151 руб. за десятину.

ство пропорционально возрастает, с увеличением нормы затрат труда на 1 га, наоборот, понижается. И если нам известно, что в каком-нибудь колхозе, скажем, Краснодарского края, урожайность за последнее пятилетие была в 2,4 раза выше средней нормы по стране, а текущие затраты не превышали 60% средних затрат на 1 га по СССР, то качество такой земли будет в 4 раза выше средней нормы и ее цена в этом колхозе составит, по нашему расчету, 177 руб. \times 4, или 708 руб. за 1 га. Нетрудно заметить при этом, что в оценке качества земли мы исходим из отношения величины продукции P к затратам труда T на данной земле, а этот показатель является в то же время мерой производительности труда или индивидуальной стоимости продукции на данном участке производства.

Для чего же могут потребоваться такие оценки земли в социалистическом хозяйстве? Земля здесь не продается. Не приходится начислять на ее стоимость и амортизационных отчислений, так как в нормальных условиях использования она служит нам без износа. Земля перестала быть товаром, как и многие другие фонды производственного назначения. Но она не выпала из планового оборота хозяйственных ценностей. Ее все чаще изымают из сельского хозяйства под индустриальное строительство новых городов, рудников и шахт, железных дорог и крупнейших гидростанций, затопляя на сотни километров берега наших рек и создавая за счет затопляемых лугов и пашен все новые моря на суше. И до тех пор, пока все такие изъятия сельскохозяйственных угодий производятся без всякого учета их стоимости в фондах индустриального строительства и без возмещения их сельскому хозяйству новыми вложениями на освоение новой целины в масштабах учетных изъятий, мы не наладим действительного хозрасчета. Стоимость индустриальных объектов в результате этого изрядно преуменьшается, а рентабельность преувеличивается, и в план попадают нередко и вовсе малоэффективные объекты. Ценнейшие же земельные фонды якобы даровой земли между тем без нужды расточаются. Охотников на даровую землю всегда ведь сколько угодно найдется.

По имеющимся расчетам, у нас на индустриальные нужды к настоящему времени изъято уже до 50 млн. га сельскохозяйственных угодий⁹. К 1980 г. потребуются изъять на те же нужды как минимум еще 50 млн. га, а к 2000 г. понадобится уже до 200—250 млн. га. Считая даже только по 177 руб. за 1 га, цена этих земель составит от 35,4 млрд. до 44,2 млрд. руб. А ведь с ростом оплаты труда будут еще расти и эти цены. К этим десяткам миллиардов рублей, изымаемых за счет земельных богатств на индустриальные нужды вовсе без учета, следует добавить и цену всей той земли под техническими культурами, постоянный прирост которых служит сырьевыми ресурсами индустрии, ограничивая посевы зерновых по сравнению с растущей в них потребностью населения. Это ставит под угрозу важнейшую из них — в хлебе на сущном. Мириться долго с такой беспечностью в распоряжении огромными ресурсами планового хозяйства, конечно, нельзя. И повышенные требования осуществляемой реформы о строгом проведении хозрасчета всеми предприятиями с полным учетом и платностью всех производственных ресурсов по их действительной стоимости можно лишь приветствовать.

Однако едва ли этой задаче могут послужить такие оценки земельных угодий, которые исходят из того, что земля не имеет стоимости. Приведенная мною выше средняя оценка земли к 1967 г. в 177 руб.

⁹ К 1913 г. в границах СССР мы насчитали в городах до 4 млн. га и в промышленности под заводами и рудниками, лесами и прочими землями — до 7,3 млн. га на сумму 10 млн. руб. К 1967 г. города по числу жителей возросли в 4,5 раза, промышленность по числу рабочих — раз в 10.

за 1 га пашни не претендует на особую точность. Ее можно сколько угодно уточнять, более точно оценивая, в частности, и общие итоги затрат живого и прошлого труда на освоение целинных земель, учтенные статистикой. Но ее нельзя просто отвергнуть, поскольку она строится на твердой базе закона стоимости. Однако уже имеются попытки построить ее и в полном отрыве от этой базы. Это, например, можно было наблюдать недавно в одной из академических комиссий ВАСХНИЛ в докладах С. Д. Черемушкина и С. В. Лященко.

Обсуждался большой вопрос об установлении «условной расчетной цены на землю и размера компенсации за изъятие земель из сельскохозяйственного оборота». Называя свои цены «условными», докладчики подчеркивают этим, что они определяются не обычным путем, по стоимости, ибо земля — даровое благо, а путем особых «техничко-экономических расчетов». По этой методике основным ценообразующим фактором становятся уже не трудовые затраты, связанные с освоением земли, а ее «рентабельность» в сельском хозяйстве или в индустриальном использовании, учтенная «по валовому продукту и налогу с оборота за последние десять лет». Однако наряду с рентабельностью цену земли образуют и государственные потери. В частности, по словам одного из докладчиков, при освоении новых посевных площадей вместо изъятых потери государства и сельского хозяйства входят в цену земли. А в общем в этой новой методике, усвоенной по давно уже известным на Западе образцам, господствует старый принцип капитализации исчисленной доходности земли из той или иной средней нормы прибыли в данной стране. Но тут пути наших докладчиков сильно расходятся. Один из них, оценивая земли сельскохозяйственного пользования, исходит из чистой доходности земли и капитализирует ее цену из 5%, то есть по сумме чистой прибыли за 20 лет, а другой, оценивая земли индустриального назначения, исходит из валовой доходности изымаемых земель и определяет их цену капитализацией из 10%, то есть по сумме валового дохода с них за 10 лет. В связи с этим и результаты получаются разные. По расчетам С. Д. Черемушкина, земля в сельском хозяйстве оценивается в среднем по 315 руб. за 1 га с колебаниями от 110 руб. в Якутской области до 1370 руб. в Краснодарском крае, а по оценкам С. В. Лященко, та же земля, изымаемая под строительство электростанций или целые моря затоплений, должна возмещаться в среднем по 1900 руб. с колебаниями от нуля за «бросовые земли» до 60 тыс. руб. за 1 га и с учетверением этих цен уже через 35 лет.

Ученые докладчики украсили свои расчеты математическими формулами. Допускаю, что ими были использованы и электронно-вычислительные машины. Но при всем своем уважении к агрономическим и математическим наукам я как советский экономист никак не мог бы присоединиться к выводам докладчиков. Прежде всего методика капитализации доходов по средней норме рентабельности уместна только там, где действует закон равной нормы прибыли, а у нас он заведомо не действует. И потому любой избранный для этой цели процент капитализации — 5, 10 или 50 — будет в равной мере произвольным. Ничем не оправдано при этом включение в нормы «рентабельности» земельных угодий такого «дохода», как весь падающий на их продукцию налог с оборота. А между тем, вовсе не образуя новой стоимости, этот налог может служить лишь ее перераспределению, но как раз в сельском хозяйстве, где цены и без того были донныне ниже уровня стоимости, он мог повышать лишь его убыточность. Еще более произвольны попытки включить в цену земли какие-либо потери. Это был бы слишком легкий способ повышать цену своих земельных угодий, умножая на них своей бесхозяйственностью всяческие потери. Неправдоподобен и слишком быстрый рост цен на землю, намеченный докладчиками в перспективе.

ближайших лет. С. Д. Черемушкин объясняет его, между прочим, «ростом производительности труда, в результате чего возрастает чистый доход, приходящийся на единицу площади». Однако рост производительности повышает лишь объем создаваемой продукции, но снижает ее цены. За счет этого фактора скорее следовало бы ожидать снижения цен освоенной земли. А чистый доход с единицы площади может возрасти при этом лишь в том случае, если мы не снижаем цен на продукцию земли по мере роста производительности труда и тем самым сознательно допускаем обесценение своей валюты.

Менее всего оправданы идеи С. В. Лященко о том, что земли, направляемые в индустриальное пользование, должны расцениваться раз в шесть дороже, чем в сельском хозяйстве. Аналогии с Западом, где земля дорожает безмерно в индустриальных центрах, для нас неубедительны. Там господствует безудержная конкуренция частных интересов, а у нас — плановое размещение производств в общественных интересах. Более высокого качества земель под индустриальное строительство не требуется, ибо здесь в отличие от полеводства земли под стенами или печами и машинами вовсе не плодоносят. Почему же их изъятие из сельского хозяйства по столь условной стоимости действительно требует возмещения в несколько раз выше их действительной, то есть безусловной, стоимости?

Это в интересах сельского хозяйства? Может быть. Но попробуйте подсчитать, в какие суммы обошлось бы такое возмещение — по 1900 руб. за 1 га — хотя бы только гидроэлектростанциям на Волге со всеми их морями затоплений. И вы увидите, что их и строить, пожалуй, не пришлось бы, признав нерентабельными. Понятно, что, пользуясь лишь столь ненадежными «условными» оценками той или иной категории земель, совсем нетрудно загнуть и даже перегнуть палку в ту или другую сторону. Но стоит ли оперировать всякими условностями, когда можно определить и без них действительную трудовую стоимость освоения и цены наших земель? Думаю, что не стоит.

Все учтенные в нашем хозяйстве основные производственные фонды, включая скот, оценивались к началу 1966 г. всего в 312 млрд. руб. В то же время до 225 млн. га пашни и до 50 млн. га, изъятых в индустриальное пользование, не считая всех других земель, оставались в составе этих фондов вовсе без оценки. Между тем только эти земли по средней трудовой оценке их освоения стоят нам не менее 48,6 млрд. руб., а с учетом и всех прочих освоенных угодий — сенокосов и пастбищ, лугов и виноградников (свыше 372 млн. га), если их оценивать хотя бы по вдвое более низкой норме, стоимость этих земель составит еще 13 млрд. руб. и в общей сумме возрастет до 81,6 млрд. руб. Вместе с учтенными все наши производственные фонды составили бы до 93,6 млрд. руб. Таким образом, оставляя без учета весь труд, овеществленный в наших земельных богатствах, мы не только преуменьшаем общий их итог, но и в той же мере преувеличиваем «отдачу» этих фондов и нормы их рентабельности.

При более полном учете и экономном использовании наших земельных угодий совсем по-иному выглядели бы и рентабельность очень многих проектируемых застроек и проблема их размещения поближе к дешевым землям, а в частности, и масштабы допустимых затоплений ближайших земель морями при каждой гидроэлектростанции. Там, где вытесняют землю, ее, наоборот, с боями отвоевывают у моря, ограждая дамбами и земляными валами. Думается, что и у нас при должном расчете оказалось бы выгоднее ограничивать берега ожидаемых затоплений дамбами и валами хотя бы в той мере, в какой нужные для этого затраты с лихвой окупятся экономией возмещений за стоимость затопленных без нужды лугов и пашен.

* * *

К числу ценнейших даровых благ природы наряду с землей относят обычно и используемые нами воды. Запасы их в морях и океанах неисчерпаемы и пока еще не оценены. А там, где они более ограничены по сравнению с повседневной в них потребностью, и вода приобретает свою цену. Но и здесь эта цена всегда может быть измерена по затратам на освоение каждой единицы этого природного «дара». Тем самым он перестает быть даровым.

Очень часто в нашем быту мы даже не замечаем этого. Попросите, например, в городе или деревне испить стакан водицы, и никто не откажет вам в этом, не требуя никакой оплаты. Между тем по бюджетам времени только на доставку воды из колодца в избу у нас в деревне за год на семью расходуется свыше 400 часов труда, или до 50 дней, то есть, по нынешним расценкам рабочей силы,— до 140 руб. Правда, из расчета на стакан воды это все же не составит и десятой доли копейки, а потому и не предполагает оплаты. Но с ростом городов и индустриальных нужд, а также массового орошения в засушливых районах сельского хозяйства вода расходуется не стаканами. Потребление ее возрастает в таких масштабах, что все быстрее иссякают мелкие местные источники ее, и приходится добывать воду или из подземных недр глубоким бурением или подавать издалека, за сотни километров по специальным каналам и водопроводам. А вскоре за истощением пресных вод возникнет уж кое-где необходимость извлекать их из ближайших морей с опреснением и доставкой потребителям. Тогда уж и подавно это благо природы приобретает немалую трудовую стоимость его освоения.

В то же время и в использовании этих будто бы даровых благ природы далеко не всегда выполняются все требования экономии и хозяйственного расчета. Это прежде всего относится ко всем предприятиям, которые спускают без должной очистки сточные воды в реки и озера, загрязняя и отравляя эти важнейшие источники нашего водоснабжения. Бедствие, которого можно избежать лишь переводом всех предприятий на «замкнутый» круг водоснабжения с очисткой забранных вод для повторного использования в своих же цехах и без спуска их куда-либо за пределы завода. Во всех других случаях, когда вода подается из водопроводов или каналов с известными затратами на их сооружение, следовало бы установить полную ее платность по стоимости этой подачи. Там, где такая платность отсутствует, например, на орошаемых полях Средней Азии, поля эти чаще всего поливаются без строгого учета, с избытком, а в результате земли уже через несколько лет засоляются и выбывают из эксплуатации.

Однако наряду с засушливыми районами, постоянно требующими орошения, у нас немало и других, страдающих от избытка вод, заболачивающих и обесценивающих земли. Природа не очень равномерно одаряет нас своими благами. И даже столь ценное благо, как вода в пустыне, становится злом, когда ее слишком много и она «обогащает» нас зловонными болотами. В этих случаях приходится расходовать большие государственные средства на сооружение дорогостоящих каналов и подземного дренажа уже не для того, чтобы добыть еще сколько-нибудь водицы, хоть из-под земли, а только для того, чтобы удалить ее подалеку и вернуть пострадавшим землям их естественное плодородие. Но и в этих случаях следовало бы тем или иным способом возмещать такие общегосударственные затраты на мелиорацию местного значения за счет повышенной доходности тех хозяйств, какие обретут ее в своих владениях.

К числу даровых благ природы относят и все ископаемые рудные и нерудные богатства до тех пор, пока они покоятся в недрах. На этом основании все поисковые геологические работы по разведке ископаемых месторождений не включаются в нашей практике ни в основные фонды

добывающей промышленности, ни в издержки производства уже добытых руд и угля, нефти и природных газов. А это, несомненно, ошибка, и немалая. Даровыми ископаемые богатства остаются только до тех пор, пока мы о них еще ничего не знаем. Но уже первая поисковая разведка о том, где они лежат, сколько их и какого они качества, — это уже первый трудовой вклад в их общественную стоимость, игнорировать который совершенно непозволительно, независимо от результатов поиска. Опытом познано, сколько безрезультатных затрат приходится на один удачный поиск и одну добытую тонну разных ископаемых. Таким образом, мы заранее знаем, сколько всего потребуется затрат на поисковые работы по всему плану намеченной добычи и по каждому ископаемому в отдельности. По некоторым из них эти работы относительно незначительны, а по другим огромны, и, оставляя их без учета в издержках производства ископаемых благ природы, мы, несомненно, сильно искажаем и стоимость и рентабельность многих из них.

Наиболее ценным в потребительном его значении, бесспорно, можно признать такое природное благо, как окружающий нас атмосферный воздух. Без него ведь и пяти минут не проживешь. Но воздушный океан так велик и доступен, что освоение этого блага не стоит нам никакого труда, потому не возникает нужды устанавливать на него какую-либо цену. Лишь по мере того, как мы сами загрязняем и портим воздух отходами вредных производств, в подземных шахтах и даже на улицах крупных городов, перенасыщенных выхлопными газами автотранспорта, познается истинная цена чистого воздуха. И она определяется всеми затратами на вентиляцию жилищ и шахт, кондиционирование воздуха во вредных цехах, очищение его зелеными насаждениями и парками отдыха в городах. Не все из этих затрат учитываются в стоимости продуктов производственной сферы. Издержки на вентиляцию жилищ или содержание городских парков относятся к затратам непроизводственной сферы. Но и они повышают производительность труда и в конечном счете находят свое возмещение в производственной сфере. Впрочем, точное размежевание в этом отношении границ между производственной и непроизводственной сферами еще не достигнуто, и тут остается немало дискутабельного.

Казалось бы, например, что геологическая разведка, как и всякий акт познания, ничего не прибавляет и не убавляет от вещественного состава и качества добываемых благ. Она расширяет лишь нашу информацию о возможности этой добычи в пределах данного места и времени. А между тем без такого прироста информации оказался бы невозможным нужный прирост и самой добычи соответствующих благ. Таким образом, известная норма информации становится здесь неустранимой предпосылкой и начальным звеном самого производственного процесса по добыче ископаемых. Она стоит труда разведчиков недр и в составе всех других общественно необходимых затрат совокупного труда по разведке и добыче подземных благ должна бы полностью войти в учет их стоимости. Отказ нашей практики от включения в учетные издержки всех затрат поисковой разведки, конечно, существенно занижает (на всю сумму этих затрат) действительную стоимость добытых благ. Подобно этому не учитывается у нас в издержках производства и целый ряд других затрат, аналогичных предварительной разведке, без которых, однако, нельзя и начать какое-либо новое производство.

К числу таких предварительных работ, связанных с потребностью в новой информации, можно отнести и все камеральные работы по проектированию новых предприятий, планировке и застройке новых городов, транспортной сети и всех других объектов строительства. Из всех затрат, произведенных за все годы Советской власти по линии капитальных вложений, но не учтенных ни в основных, ни в оборотных фондах, на такие «бездомные» работы ушли миллиарды рублей. И едва ли разумно, что

все эти миллиарды улетают у нас вместе с заводским дымом в бездонную трубу забвения без всякого отражения в реальной стоимости созданного продукта. Если быть последовательным и посмотреть шире, то придется признать, что и вложения в науку еще в большей мере, чем поисковая разведка или планировка строительства, служат своей информацией прежде всего народному хозяйству. Не следует забывать, что наука становится уже непосредственной производительной силой и главным рычагом технического прогресса в нашей стране; в ее составе все большее значение приобретает в перспективе ближайших лет и ожидаемой «научно-технической революции» новая «наука управления» со всеми ее органами планирования и организации производства. И было бы только логичным включить в издержки производства общественного продукта в той или иной мере и немалые вложения в науку со всеми органами управления и научной организации труда в производстве.

Конечно, можно сказать, что и сама наука становится даровой производительной силой, как только ее внедрят и освоят в производственном процессе. Но в том-то и дело, что только на внедрение ее в сотни миллионов голов и освоение в производстве даже в самой малой доле требуется в несколько раз больше затрат, чем на все финансирование большой, творческой науки. Если мы не включаем эти затраты по внедрению наук в стоимость всего общественного продукта, то и по этой линии допускаем известный недоучет и в себестоимости всей реализуемой в стране научной информации и в стоимости продукта тех отраслей труда, где эта информация используется без всякой оплаты, в основном в качестве дарового блага.

Однако и при всех возможных уточнениях общественной и локальной стоимости продукции по каждому предприятию и хозяйству в отдельности дифференциальная их рентабельность или убыточность неустранима. Никакая норма рентабельности сама по себе мерой эффективности труда в каждом из них служить не может, так как определяется она не только трудом, но и его фондовооруженностью или качеством земли, удаленностью от рынков и прочими привходящими обстоятельствами. Между тем в рамках социалистического соревнования каждый производитель должен находиться в равных с другими условиях, получая и заработную плату и все иные виды поощрения только по количеству и качеству своего труда, независимо от любых привходящих обстоятельств: и на передовых по технике и на отстающих предприятиях, и на лучших и на худших землях, и в нормальных условиях погоды, и даже в случае гибели всего урожая от стихийных бедствий.

Можно ли, однако, добиться подобных условий соревнования?

Легче всего решается задача борьбы со стихийными бедствиями. Страна наша очень велика, и, переложив методами взаимного страхования от стихийных бедствий большой риск отдельных хозяйств на всю страну, можно добиться вполне удовлетворительных результатов. Гораздо труднее добиться, скажем, равного уровня фондовооруженности и действующей техники на предприятиях разного возраста, так как под действием технического прогресса этот уровень постоянно повышается на новейших предприятиях по сравнению с более старыми и совсем устаревшими. Но и тут возможны существенные поправки за счет учета обесценения стареющих фондов и соответствующего снижения амортизационных отчислений в издержках производства таких предприятий. Дело в том, что технический прогресс, снижая стоимость новых благ, обесценивает в той же мере все старые блага того же рода, в том числе и устаревшие основные фонды прежних лет. Этот «фактор времени», однако, не учитывается в нашей практике, и завышенная оценка фондов по начальной их стоимости до полного износа сильно искажает норму их рентабельности и реальной эффективности на устаревших предприятиях.

Поясним это примером. Допустим, что норма прибыли в среднем по всем новым предприятиям составляет до 15% начальной оценки их фондов, но с каждым годом снижается в обратной пропорции к росту производительности труда в стране. По данным ЦСУ, она повысилась в советской промышленности с 1950 г. (за 15 лет) более чем в 2,5 раза (на 156%). Значит, на предприятиях, построенных 15 лет назад, в результате отставания в технике рентабельность не превышает и 6%. Но если учесть, что и фонды столь устаревших предприятий за 15 лет по той же причине обесценились во столько же раз, то окажется, что по отношению к реальной их стоимости норма их рентабельности остается примерно на том же уровне, как и на других, позже построенных предприятиях. Качество устаревшей техники, конечно, ниже новой. Но это как раз и возмещается ее обесценением по мере снижения этих качеств, измеряемых сравнительной продуктивностью различной техники за единицу ее стоимости. И чтобы выровнять при этом условия социалистического соревнования в большинстве отраслей промышленности, достаточно, по-видимому, лишь правильно учитывать требования фактора времени в текущей оценке и переоценке хотя бы через каждые пять лет всех ее производственных фондов.

Труднее эта задача решается в тех отраслях, где колебания в уровне рентабельности определяются не условиями техники, а такими приходящими явлениями, как горная и поземельная рента. Резкие колебания рентабельности в зависимости от сравнительного богатства недр или качества земли на разных ее участках и независимо от приложенного к ним труда нарушают интересы тех работников, которым достаются наименее выгодные участки. Неоправданные убытки, так же как и незаслуженные сверхприбыли, в равной мере дезорганизуют труд. С этой опасностью пытаются бороться даже в капиталистическом обществе частных собственников такими полумерами, как понижение закупочных цен на хлебные продукты в наиболее урожайных районах, прогрессивно-подходящий налог на сверхприбыли концернов и корпораций, и другими мерами, которые не мешают все же крупным акулам капитала еще больше жиреть, а мелкой рыбешке, путающейся рядом с ними в тенетах беспощадной конкуренции, банкротиться, насыщая своими потрохами все тех же прожорливых хищников.

В советском обществе о частной собственности подобных предпринимателей сохранились лишь горькие воспоминания, а все природные богатства давно уже принадлежат всему обществу. Здесь находятся уже и новые возможности выровнять все условия соревнования трудящихся даже на тех участках народного хозяйства, где этому особенно препятствует неравенство природных условий эксплуатации труда. Правда, в нашей практике еще сохраняются от прошлого и такие меры, как «зональные» закупочные цены и подходящий налог с колхозов, но, как и всякие полумеры, они не достигают цели. Наряду со сверхприбыльными колхозами-миллионерами где-нибудь в Краснодарском крае приходится слышать о таких, которые, и не мечтая о прибылях, просят на совхозный режим и отказываются от всех преимуществ колхозной самостоятельности. С этим нельзя долго мириться, и наша практика давно уже нащупывает лучшие пути. Мы имеем в виду так называемые «расчетные цены» везде, где природные условия искажают обычные нормы хозяйственного расчета.

Расчетные цены на продукцию отдельных предприятий определяются при этом по индивидуальной ее стоимости на таких предприятиях и потому очень различны. Но они используются только для сбыта этой продукции своему же отраслевому объединению, тресту или синдикату, где в общей сумме складывается уже и общественная ее стоимость для дальнейшей реализации потребителям. Объединение при этом ничего не теряет, а отдельные предприятия независимо от природных факторов и

условий размещения в пространстве получают все же такие цены, какие, согласуясь с Программой нашей партии, должны обеспечить каждому нормально работающему предприятию возмещение издержек производства и обращения и получение «необходимой» прибыли.

Размер «необходимой» прибыли здесь определяется тем, что она должна восполнить издержки каждого предприятия до полной стоимости — в данном случае индивидуальной — всей реализуемой в нем товарной продукции. Такая прибыль, возмещающая еще не оплаченный в издержках предприятия труд занятой на нем рабочей силы, легко может быть исчислена по средней норме валового накопления, запланированной на ближайшую пятилетку по всему народному хозяйству, если эту норму вслед за Марксом принять равной в одном и том же проценте к оплаченному труду, то есть ко всему фонду заработной платы каждого предприятия, — $m : v$.

Расчетные цены исключают при этом перераспределение создаваемой стоимости в пространстве в связи с неравномерным размещением естественного плодородия и всех прочих «даровых благ» природы. Исключается вместе с тем и вытекающая из их оценки дифференциальная рентабельность отдельных предприятий или хозяйств. Но именно поэтому учтенная в них прибыль по расчетным ценам в сопоставлении со средней нормой накоплений — не в процентах к фондам, а на единицу труда — сможет показать, на каком именно предприятии и насколько эффективность труда была выше, чем в других, и в какой именно мере каждый из соревнующихся коллективов трудящихся заслуживает особого поощрения сверх нормальной оплаты труда.

И такие возможности нужно, конечно, полностью использовать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Проблема экономической оценки земли, природных ресурсов и воды имеет чрезвычайно большое значение при изучении эффективности капитальных вложений.

Природные ресурсы не безграничны, и поэтому в экономических расчетах и прежде всего в Типовой методике определения экономической эффективности капитальных вложений в народном хозяйстве СССР их следует учитывать.

В результате отсутствия оценки земли и природных ресурсов при расчетах экономической эффективности капитальных вложений не учитываются экономические последствия изъятия земель под промышленные предприятия, затопления земель при постройке гидроэлектростанций, перерасхода водных ресурсов при напряженном балансе воды в целом ряде районов, загрязнения водных и воздушного бассейнов, потери полезных ископаемых при их добыче и переработке.

Оценка земли и природных ресурсов не противоречит характеру социалистической собственности на них. Здания, сооружения, заводы, фабрики с их оборудованием у нас также являются объектом социалистической собственности. Однако они имеют денежную оценку, которая учитывается при планировании и анализе экономической эффективности капитальных вложений, при передаче зданий и сооружений с баланса одного предприятия на баланс другого. Наличие денежной оценки основных средств производства в промышленности не меняет их экономической природы как объекта социалистической собственности.

Земля — основное средство производства в сельском хозяйстве, поэтому ее следовало бы оценивать так же, как и средства производства в промышленности, тем более что оценка земли в значительной мере определяется затратами труда на ее обработку.

Редакция журнала «Вопросы экономики» считает целесообразным уже в ближайших номерах опубликовать ряд материалов, посвященных обсуждению этих проблем содержащих выводы из первых разработок и методические предложения. Редакция надеется, что практическим итогом этих обсуждений явится создание экономически обоснованных методик оценки природных ресурсов, что будет способствовать повышению научного уровня планирования использования ресурсов и эффективности общественного производства.